

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УЗБЕКСКИХ И КИТАЙСКИХ АНТРОПОНИМОВ

<https://doi.org/10.24412/2181-1784-2025-26-184-188>

Яшинарбекова Мушиларий Яшинарбековна
преподаватель

Узбекский государственный университет мировых языков
m.yashnarbekova@gmail.com

Abstract. This article presents a comparative lexicosemantic analysis of Uzbek and Chinese anthroponyms. It examines the lexical origins and semantic categories of personal names in both languages, highlighting common themes and distinct characteristics. The study identifies key sources of name etymology (native and borrowed) and explores how cultural values and historical factors are reflected in the meanings of Uzbek and Chinese names. The comparative approach reveals both universal tendencies in naming (such as conveying positive wishes) and specific features unique to each culture's anthroponymic system.

Keywords: anthroponymy; Uzbek names; Chinese names; lexical semantics; comparative analysis; onomastics; proper names; semantic motivation

Введение

Антропонимы – собственные имена людей – составляют значительную часть лексического фонда любого языка и несут важную культурно-языковую информацию. Лексико-семантический подход к изучению антропонимов позволяет выявить, какие лексические единицы лежат в основе имен и какие значения и мотивы связаны с выбором имен. В узбекском и китайском языках система собственных имен развивалась в разном историко-культурном контексте, что отражается в их семантике и структуре.

Научный интерес к антропонимии узбекского языка начал проявляться с 60-х годов XX века. Именно в этот период появились первые работы, посвященные толкованию значений имен. Так, в 1964 г. была издана брошюра Я. Менаджиева и Х. Азаматова с популярным объяснением значений узбекских имен. Позднее она была переработана и дополнена другими исследователями, что свидетельствует о значимости темы [Менаджиев, Азаматов 1964: 32]. В последующие десятилетия вышел ряд исследований Э. Бегматова, Ш. Хусanova и других, заложивших основы научного описания узбекской антропонимии [Бегматов 1965: 12; Хусанов 1996: 47].

В китаеведении изучение антропонимов имеет свою давнюю традицию. Исследователи отмечали социальные функции и структуру китайских имен еще в середине XX века. Например, В. А. Никонов подчеркивал, что личное имя является социальным знаком, несущим информацию о своем носителе [Никонов 1970: 91]. М. В. Крюков и другие востоковеды анализировали происхождение китайских фамилий и социокультурные аспекты именования в Китае [Крюков 1971: 70; Крюков 1969: 109]. Таким образом, к настоящему времени накоплен определенный материал по отдельно взятым антропонимическим традициям узбекского и китайского народов.

Основная часть

Лексические источники и семантические группы узбекских имен. Узбекская антропонимия формировалась на перекрестке тюркско-мусульманской культуры, что отразилось в происхождении и значениях имен. По своему лексическому источнику современные узбекские имена разделяются на две большие группы: тюркские (собственно узбекские) и заимствованные. Заимствованный пласт имен преимущественно включает арабские и персидско-таджикские имена, проникшие в употребление вместе с исламской культурой. По оценкам Э. Бегматова, около половины часто встречающихся узбекских имен имеют арабское происхождение, значительная часть остальных восходит к тюркским корням, далее по распространенности следуют персидские основы [Бегматов 2007: 608].

Семантический анализ узбекских антропонимов показывает чрезвычайно широкую палитру значений. Можно выделить несколько основных тематических групп лексических значений, лежащих в основе имен:

Названия животных и природного мира. Многие традиционные узбекские имена образованы от названий животных, птиц, растений. К примеру, мужские имена Арслон, Шер означают «лев» и ассоциируются с храбростью (лев – символ мужества). Имена Бўри, Кўзибай, Хумоюн связаны со словами «волк», «ягненок», «мифическая птица Нимо» соответственно. Имена типа Гулчехра, Лола, Наврўз восходят к названиям цветов (роза, тюльпан) или праздника весны «Навруз» и несут пожелание красоты и возрождения. Использование зоонимов и фитонимов в именах отражает тотемистические представления и связь человека с природой [Ройзенсон, Магазанник 1971: 29].

Религиозные и духовные мотивы. Широко распространены имена арабского происхождения, связанные с исламом: Абдулла («раб Аллаха»), Мухаммад, Карим («щедрый» – одно из имен Бога), Фотима и т.д. Их использование обусловлено духовной ценностью и уважением к религиозным деятелям. [Исокова 1993: 102].

Лексико-семантические особенности китайских имен. В отличие от узбекской, китайская антропонимическая система характеризуется преимущественно автохтонной лексической базой. Фамилии и личные имена в китайском языке образованы из китайских иероглифов, каждый из которых имеет определенное значение. Заемствования из иностранных языков практически не влияют на состав традиционных имен. Более того, ограниченный набор китайских фамилий сложился исторически и остается довольно постоянным: в современном китайском обществе насчитывается лишь несколько сотен фамилий, при этом наиболее распространенными являются Чжан, Ван, Ли, Чжао, Лю и некоторые другие [Крюков 1971: 69]. Большинство китайских фамилий односложны (состоят из одного иероглифа), реже встречаются двусложные фамилии (например, Сыма, Оуян). Фамилия всегда ставится на первом месте перед личным именем.

Семантика китайских имен тесно связана с понятиями, которые родители хотят ассоциировать с ребенком. Практически любое сочетание иероглифов с благоприятным значением может стать именем, если оно соответствует фонетическим и культурным нормам. Специальных «суффиксов имен» в современном китайском языке нет, поэтому имя обычно представляет собой свободную комбинацию значимых морфем. Тем не менее, традиционно мальчикам и девочкам давали имена с разной смысловой нагрузкой. Мужские имена часто выражают силу, доблесть, ум, стремление к успеху или богатству. Например, имя 志强 (Чжицян) означает «воля + сила» – символ решительности и стойкости; 伟明 (Вэймин) – «великий + светлый (прославленный)» – отражает пожелание славы. Женские имена, как правило, связаны с красотой, нежностью, благодатными природными образами. Так, распространены имена со значением цветов, драгоценностей, грации: 丽花 (Лихуа) – «прекрасный цветок», 明月 (Миньюэ) – «яркая луна», 凤蝶 (Фэньдие) – «мотылек-бабочка».

Таким образом, лексико-семантический аспект китайских антропонимов характеризуется богатством внутреннего содержания при относительной внешней простоте структуры. Китайские имена всегда осмыслены: сочетание иероглифов подбирается так, чтобы нести позитивный смысл, отражать добродетели, пожелания или красивые образы. При этом благодаря иероглифической системе языку свойственна емкость: даже короткое имя из двух слогов может заключать в себе развернутое поэтическое пожелание или отсылку к культурному контексту. Например, имя 秀英 (Сюин) буквально означает «прекрасная и цветущая», а 建国 (Цзяньго) – «строить государство»,

данное поколению, рожденному вскоре после образования КНР, отражает дух эпохи.

Сопоставление и общие тенденции. Сравнивая узбекские и китайские антронимы с точки зрения лексических источников и значений, можно отметить ряд интересных сходств и различий. Оба языка используют личные имена как средство выражения пожеланий и идеалов. И узбекские, и китайские родители через имя стремятся вложить в ребенка определенную программу – будь то добродетель, успех, защита от бед. Эта универсальная функция имени прослеживается независимо от генетических различий языков [Никонов 1970: 91]. Например, узбекское имя Бахтиёр («счастливый») и китайское 幸福 (Синьфу) – «счастье» – оба передают надежду на счастливую жизнь.

Результаты и комментарии. Результаты сопоставительного анализа показывают, что, несмотря на типологическую и историческую удаленность узбекского и китайского языков, их антронимикон выполняет схожие социально-семантические функции. В обоих культурах имя человека несет идентифицирующую, дифференцирующую функцию (отличает данного индивида от других) и одновременно имеет культурно-символическое значение. Имя служит своего рода «визитной карточкой» человека в обществе и часто отражает ожидания семьи или сообщества. Как отмечает В. А. Никонов, личное имя выступает социальным знаком, указывающим на принадлежность человека к определенной культурной среде и системе ценностей [Никонов 1970: 91].

Различия и их объяснение. Различия в лексическом составе имен отражают различные пласти культуры. Узбекские имена можно рассматривать как слепок сложной истории Средней Азии: здесь и следы язычества (тотемные Бўри – «волк», Қўзибой – «ягненок»), и влияние ислама (многочисленные арабские имена), и персидско-турецкий синтез (поэтические имена типа Гулнор – «огненный цветок»). Китайские имена, напротив, развивались в рамках единой цивилизации, где главными ориентирами были собственная философия и эстетика. Поэтому китайские имена более однородны по происхождению (практически все – исконно китайские слова или морфемы), но крайне разнообразны по смысловым комбинациям. Китайцы традиционно проявляют большую изобретательность в конструировании новых имен из имеющихся иероглифов, тогда как узбеки чаще пользуются устоявшимся списком имен или их вариациями [Суперанская 1973: 95].

Таким образом, лексико-семантический подход позволяет выявить, как язык через имена отражает ценности общества. Сравнение узбекских и китайских антронимов демонстрирует, что, несмотря на уникальность каждой культуры, существуют универсальные человеческие стремления (к счастью, благополучию, защите близких), которые в лексике имен получают своеобразное воплощение. Изучение этих совпадений и различий обогащает как лингвистику, так и культурную антропологию, позволяя глубже понять взаимодействие языка, мышления и традиций.

Выводы

Проведенный сравнительный лексико-семантический анализ узбекских и китайских антронимов приводит к следующим выводам:

Разнообразие лексических источников. Узбекская антронимия имеет смешанное происхождение: наряду с тюркскими корнями значительную роль играют арабские и персидские заимствования. Китайская антронимия почти полностью базируется на исконно китайском лексическом материале. Это отражает исторические контакты: для узбеков – многоязыковое влияние, для китайцев – длительную культурную самобытность.

Литература

1. Бегматов Э. Антронимика узбекского языка: Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Ташкент, 1965. – 28 с.
2. Бегматов Э. O’zbek ismlari ma’nosi (Meaning of Uzbek Names). – Тошкент: O’zbekiston milliy ensiklopediyasi, 2-е izd., 2007. – 608 б.
3. Крюков М. В. Китайские фамилии: как и когда они возникли? // Этнография имен. – М.: Наука, 1971. – С. 69–83.
4. Крюков М. В. О социологическом аспекте изучения китайской антронимии // Ономастика. – М., 1969. – С. 109–117.
5. Менаджиев Я., Азаматов Х. Исмингизнинг маъноси нима? (Что означает ваше имя?). – Тошкент: Фан, 1964. – 32 б.
6. Менаджиев Я., Азаматов Х., Абдурахмонов Д., Бегматов Э. Исмингизнинг маъноси нима? – Тошкент: Фан, 1968. – С. 6–14.
7. Никонов В. А. Личное имя – социальный знак. – М.: Наука, 1970. – 91 с.
8. Ройзенсон Л. И., Магазанник Э. Б. О мотивах выбора имени // Вопросы ономастики. – Самарканд, 1971. – С. 29–30.
9. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – С. 95–103.
10. Хусанов, Н. (2000). XV аср узбек адабий ёдгорликларидағи антронимларнинг лексик-семантик ва услубий хусусиятлари. Филол. фан. док-ри дисс. Т.: Фан.